

Ан.А. Громыко, член-корреспондент РАН, д. ист. н., президент Движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН»

- Уважаемые коллеги! Тема нашей конференции «Настоящее и будущее архитектуры международных отношений». Мы проводим конференцию совместными усилиями Движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН» и Центра оценок политики Института Африки РАН. В нашей встрече принимают участие представители МИД России, видные ученые и дипломаты. Общепринятого определения «архитектуры международных отношений» нет. Считаю, что под ней, в первую очередь, понимаются международное право и его международно-правовые институты, например ООН. Эта архитектура находится в рамках правового поля, она составляет основу силы права. Ей противостоит право силы. На архитектуру международных отношений свое влияние оказывают цивилизации, баланс экономических и военных сил, региональные особенности международных отношений. В рамках разных идеологий они образуют основу силового поля, последнее взаимодействует с полем правовым. Характер этого взаимодействия и определяет состояние международных отношений. Вряд ли наши докладчики и выступающие смогут предложить модели международных политических и экономических отношений, тем более оптимальные. Международные отношения развиваются слишком быстро и, главное, трудно предсказуемо. Кто два-три года назад мог предвидеть заметное ухудшение финансового положения основной опоры капитализма - США? Кто сегодня возьмет на себя смелость сказать, что мировой кризис капитализма в той или иной форме не повторится? Будем стремиться обозначить основные тенденции, возможности и опасности для становления нового мирового демократического правопорядка. 1. Еще совсем недавно российское общество находилось в плену наивных схем и даже фантазий. Мир, международные отношения виделись как обсаженная розами площадка для сотрудничества, при этом острые шипы не замечали. Что происходило на самом деле? Шел процесс ослабления российского государства, его разрыхление и утрата им громадных территорий. Разрушали не просто Советский Союз, дробили созданную столетиями Царскую Империю. В условиях глобального дефицита сырьевых ресурсов многие чужеземцы воспринимали Россию не как государство, а как территорию. Мы стояли у порога второй, после распада СССР, геополитической катастрофы - распада России. Эти негативные тенденции были остановлены в 2000 году, когда была принята новая Концепция внешней политики России. В ее основу легло отстаивание национальных интересов страны. Опираясь на многовекторность и прагматизм, сотрудничая с ведущими игроками мировой политики, Россия начала восстанавливать свое влияние на международной арене. Этот процесс усилился после откровенных и честных по отношению к партнерам России на Западе выступлений президента В.Путина в Мюнхене и Люксембурге. Дух стратегического партнерства, если его не загубят (а не новая «холодная война»), витает в отношениях между Россией, Старым и Новым Светом. России необходимы нормальные, даже отличные, отношения с Европой и США, Китаем, Индией, миром Ислама, Африкой и Латинской Америкой. Движение вспять к конфликтным ситуациям возникают тогда, когда вместо стремления к сотрудничеству и стратегическому партнерству Россия сталкивается с высокомерной, порой вызывающей политикой попыток подрыва ее национальной безопасности и вмешательства в наши внутренние дела. Такого не терпят ни США, ни Китай, ни члены Европейского Союза. Наивно ожидать, что Россия поведет себя иначе. На международной арене баланс сил заметно меняется. К середине 21-го века Китай станет самой влиятельной экономической державой мира. Индия по экономическому влиянию обгонит Японию и выйдет вслед за США на третье место. Особенно возрастет влияние на мировые дела стран Европейского Союза, который по многим параметрам, за исключением военного, обгонит США. В качестве влиятельных региональных стран будут выступать Бразилия и Индонезия. В условиях Возрождения, когда экономические и финансовые преступления не будут оставаться без наказания, увеличит свое влияние в мировых делах и Россия. 2. Важным объектом нашего анализа, призмой для оценок архитектуры международных отношений является Организация Объединенных Наций со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Конференция добьется успеха, если сможет сделать правильные выводы о настоящем и будущем ООН. Наше Движение одним из первых обратило внимание российской общественности на угрозу разрушения Парламента Человечества усилиями

ультрарадикальных подрывников. Мы критиковали пассивность по защите международного права и ООН. Преступление, совершенное международным терроризмом против народа США, разрушив башни Всемирного торгового центра, чуть было самым нелепым образом не похоронило наследницу победы союзников над гитлеровской Германией - Организацию Объединенных Наций. Сегодня попытки превратить ООН в игрушку политических страстей поутихли. Надолго ли? Идет сложная работа по ее реформированию. Укрепляется мнение, что ООН - уникальная и необходимая мировому сообществу база для выживания. Остановлюсь на некоторых моментах трансформации архитектуры международных отношений.

3. Особенно велико значение ООН для Африки. Какая организация признает африканские страны равноправными суверенными государствами? Где еще Африка, этот глубокий шрам на совести человечества, может выстраивать свои отношения с другими членами организации на демократической основе? Ни в одной другой международной организации этого нет. Разве можно развивать Архитектуру международных отношений, игнорируя интересы 50 государств? Между тем, именно это происходит. Об Африке создается негативный образ континента, осаждаемого проблемами войн, засух, голода и болезней. Все это объясняют тем, что страны континента, за редкими исключениями, никак не выйдут на путь возрождения и стабильного развития. Объяснение этому находят в том, что в Африке немало «несостоявшихся» государств (failed states), например - Судан, Сомали, Зимбабве, Чад, Кот д'Ивуар, Демократическая Республика Конго, Гвинея, Центральноафриканская Республика. К этому добавляют, что из двадцати самых авторитарных режимов мира восемь находятся в Африке. Это Кот д'Ивуар, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Ливия, Свазиленд, Сомали, Судан и Занзибар. По оценке Программы развития ООН (UN Development Programme), из 40 самых слаборазвитых стран мира 35 находятся в Африке. Складывается удручающая картина прочно застрявшего в нищете, голоде и болезнях континента. Как разрушить этот status quo для нищих, как не допустить усиления неокOLONиалистской эксплуатации в условиях глобализации? Судьба африканского континента с населением (на начало 21-го века) не менее 750 млн человек (а к 2016 году оно увеличится еще на 200 миллионов — см. International Affairs, Volume 83, Number 6, November 2007, p. 1026.) может измениться в лучшую сторону только в рамках демократической модели мирового правопорядка, где будут найдены новые пути выхода к достойной жизни. Если этого не произойдет, Африка станет рассадником международного терроризма.

4. Все чаще говорят: ООН - это прообраз мирового правительства и за ней будущее. Эта точка зрения подкрепляется многими обстоятельствами. Например, никто не может в одиночку справиться с глобальными проблемами. Право силы для этого не подходит. С такими проблемами можно справиться только конструктивными всеобщими усилиями. Никакая сверхдержава, даже коалиция государств, не смогут отразить угрозы природных катастроф. Это реальные, а не мифические опасности. Нередко о природных катастрофах мыслят категориями отдаленного на сотни лет будущего. Это опасное заблуждение. Приведу лишь один пример: На Земле сравнительно недавно имели место великие «потоп» и «оледенение». Громадные кратеры на теле Земли красноречиво свидетельствуют об опасности, что угрожает Человечеству из Космоса. Планы по ее предотвращению находятся в зародыше. Тонкая десятикилометровая пленка воздуха, отделяющая людей в целом от враждебного человеку Космоса, усыпила у многих политиков инстинкт самосохранения. Государства всё еще конфликтуют между собой, люди уничтожаются десятками, сотнями тысяч, даже миллионами. Земля вступает в период заметных климатических изменений, в ближайшие тридцать лет начнется затопление многих больших городов. Из двадцати самых густонаселенных городов нашей планеты, по крайней мере, тринадцать, расположенных очень низко над уровнем моря, окажутся под водой. Первой будет Венеция, за ней последуют Дакка, Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро, Шанхай, Каир, Калькутта, Токио, Лагос, Карачи, Бангкок, Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Это реальная, а не мнимая опасность, но и она не особо тревожит наше сознание. Все знают, чем заняты будни многих, пожалуй, даже большинства, политиков и дипломатов: они заполнены большими геополитическими играми, средними и малыми войнами, уже изрядно поднадоевшими вскриками о новой мировой войне. Это похоже на политическое шаманство, когда в пляске вокруг костра мировых проблем накликают на род людской самое страшное - новую мировую бойню. Если она вспыхнет, то гибель большинства людей гарантирована.

5. Сторонники силы права, мирового демократического правопорядка считают, что для выживания мирового сообщества требуется его приспособление к мировым реалиям. Это приспособление должно укреплять ООН, ее Устав, а не разрушать их. Региональные и международные проблемы могут решаться только на основе конструктивных усилий и совместных действий по укреплению стратегической стабильности. В мире или утвердится безопасность для всех, где нет места двойным стандартам, или мировое сообщество прочно увязнет в больших беспорядках, вооруженных конфликтах разной степени

интенсивности. Встает вопрос, на мой взгляд, фундаментальный не только для ООН, но и для всей Архитектуры международных отношений - есть ли основные критерии для создания прочного здания безопасности для всех? Они есть - это принципы, заложенные в Устав ООН мировым сообществом. 6. Миром управляют не только баланс сил и международное право, но и большие идеи. В 20-м веке ими были, да и сейчас остаются, либерализм и марксизм, два типа общества - капитализм и социализм. Влияние идей капитализма и социализма велико. Набирают силу и новые идеи. Порой они весьма противоречивы, например, теории конвергенции, конфликта цивилизаций, определения свободы, демократии, терроризма. Человечество, если мыслить в планетарном масштабе, является Единой цивилизацией. Сегодня ей всё сильнее грозят природные катаклизмы. От объединения усилий людей зависит самосохранение самой Земной цивилизации. Земная цивилизация состоит из ряда самобытных цивилизаций со своими духовными, нравственными и культурными ценностями. Невозможно, даже руководствуясь самыми благими намерениями, пытаться унифицировать все эти цивилизации силовыми методами. А если этого не получается, предвещать их столкновение. Такое поведение безнравственно. В мире вместо столкновения цивилизаций должен закрепиться Альянс цивилизаций. Правовая база для него есть - это Организация Объединенных Наций, ее Устав. 7. В 21-м веке в международных отношениях правят бал две основные силы - право силы и сила права. Мировая архитектура международных отношений развивается на основе базиса, который они создают. Если баланс сил, цивилизационных и идеологических, военных и экономических, действует вне рамок правового поля, без учета норм международного права, Устава ООН, то большой международный беспорядок неизбежен. Он дополняет хаос в отношениях между членами мирового сообщества разрушительными последствиями от природных катастроф. Люди не успеют к ним подготовиться. Угроза исчезновения нависает над достаточно хрупкой Человеческой Цивилизацией. 8. Человеческая Цивилизация хрупка по нескольким причинам. Биологически сильно уязвим сам человек. Он пленник биологической эволюции, формировался окружавшей его природой. Тысячи лет человеческая жизнь зависела от природы. К этому добавилось влияние на жизнь людей современной цивилизации, влияние не только положительное, но и отрицательное. Последнее усиливается. Образно выражаясь, демоны зла берут верх над мыслителями и творцами возрождения и просвещения, справедливого социального устройства. К этому добавляется новая реальность - надвигается очередной «мировой потоп», острый дефицит питьевой воды. Люди снова попадают под власть природы. Последствия такого развития событий, если и предсказуемы, то только как губительные для пока беспечно управляемого мира. В.Ф. Петровский, Чрезвычайный и Полномочный Посол, в прошлом зам. Министра иностранных дел и зам. Генерального секретаря ООН, председатель Европейской ассоциации всеобъемлющего диалога, член Совета Движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН»: - В своем выступлении я бы хотел коснуться роли Организации Объединенных Наций в новой архитектуре мира. Новый мир - это реальность наших дней. Здесь никто не спорит. Но что надо иметь в виду? Одни называют этот новый мир «новым политическим ландшафтом», другие - «новой геополитической сценой». Но я думаю, что на нашей конференции совершенно справедливо поставлен вопрос об «архитектуре», потому что архитектура представляет собой и искусство строительства, и само зодчество, а также характер и стиль построек. Это в полной мере относится и к международным отношениям. Новая архитектура мира возникает сегодня не только на глобальном, но и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, на региональном уровне. В 1945 г., когда создавалась ООН, было только две региональные организации, сегодня - свыше 60 региональных и субрегиональных структур, которые отличаются и в качественном отношении. Государство и другие неправительственные структуры могут участвовать в них на основах взаимоперекрещивающегося членства. Закрытых региональных структур фактически сегодня не существует. Ну, конечно, хотя архитектура и изменилась, главным действующим лицом продолжают оставаться государства. Их около 200 - и 192 представлены в Организации Объединенных Наций. Мне опять хотелось бы подчеркнуть, что с точки зрения новой архитектуры государства уже совсем не те. Помимо развитых и развивающихся государств имеется свыше 50 «несостоявшихся» государств, которые находятся в тяжелом социально-экономическом положении. Да и сами государства, в том числе развитые и развивающиеся, сейчас имеют тенденцию быть представленными в государственных международных организациях как правительствами, так и парламентами. Появилась Организация коренных народов, которая создает большую головную боль для многих государств-членов ООН. Конечно, в новой архитектуре мира важными игроками становятся глобальный бизнес, транснациональные корпорации и особенно активны неправительственные организации, которых насчитывается в мире свыше 5 тысяч. Конечно, чтобы завершить характеристику этой картины, нужно отметить то, что и сегодня впервые

действующими лицами на международной арене становятся и преступные организации. Мы справедливо много говорим о терроризме, но если сегодня посмотреть на предупреждения ООН и Всемирного банка развития, то главные угрозы у нас еще впереди - это организованная преступность, которая может иметь доступ к оружию массового уничтожения. Нынешняя архитектура мира представляет собой, по моему мнению, такое глобальное сообщество, которое правильнее характеризовать как «Рах многосторонности», где имеются не только полюса. Многополюсный мир — это реальность; дискуссии об однополюсности, по-моему, бессмысленны - но кроме государственных полюсов существует и сильная сетевая взаимозависимость между всеми действующими лицами. Иными словами, «Рах многосторонности» - это многосоставная структура глобального сообщества. Новая архитектура мира, как и зодчество, нуждается в золотой середине. Это тоже очень важное ее качество - качество золотой середины, которое обеспечивает устойчивость ее сложной конструкции. Золотая середина в политике и экономике - это согласование действий всех действующих лиц. И главное - переход от установившегося баланса сил к балансу интересов. И для этого требуется - и это справедливо подчеркивает новый Генеральный секретарь ООН. Он говорит, что сегодня главное — это наведение мостов между существующими структурами как по горизонтали, так и по вертикали международных взаимоотношений. Платформой для выработки такой золотой середины остается (и будет играть еще большую роль) Организация Объединенных Наций поскольку, как вы знаете, она обладает уникальной легитимностью на государственном уровне. Как известно (и это вы все помните), ООН создавалась, как впрочем, и Лига наций, для безопасности государств в военно-политическом плане. То есть тогда была перенесена на ООН стратегическая концепция Клаузевица, который видел безопасность в обеспечении ее военными методами. Сегодня перед лицом глобальных угроз нашего взаимозависимого мира речь идет о безопасности как человеческой личности, так и каждого государства во всех аспектах. И здесь мне хотелось бы специально напомнить об этом. К сожалению, в том числе на дипломатическом и политическом уровне, часто забывают о том, что в 1989 г. Москвой и Вашингтоном совместно была предложена резолюция о безопасности во всех аспектах - и она была единогласно одобрена в ООН. Согласно этой резолюции безопасность должна быть не только от войны, конфликтов, но и от голода, нищеты, экологического загрязнения, нарушения прав человека, искажений информации. И, кажется, сегодняшний мир, основанный на неделимости, безопасности и благосостоянии, должен быть главной темой переговоров. Но часто упор опять делается на безопасность в традиционном плане. Обеспечение всеобъемлющей безопасности - это главная стратегическая задача на будущее. Нельзя говорить только о военной и энергетической безопасности, забывая о других ее аспектах. Больше того, даже в дипломатическом плане, когда мы ставим вопрос в контекст всеобъемлющей безопасности, нам легче вести переговоры и достигать соглашений. Речь должна идти сегодня о согласовании акций всех законных действующих лиц нового глобального сообщества с учетом роли, разумеется, наиболее крупных в военно-политическом и экономическом аспекте государств. И только Организация Объединенных Наций может быть фундаментом коллективного лидерства ведущих государств, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношениях. Это более-менее понятно, об этом мы часто говорим. Но что бы мне хотелось особенно подчеркнуть, что одновременно сегодня Организация Объединенных Наций становится источником знаний конституционно-демократического управления как на глобальном и региональном, так и на национальном уровне. Это исключительно важно: мы часто изобретаем «велосипеды», а велосипеды - это рекомендации Организации Объединенных Наций. Задача состоит только в том, чтобы применять их не автоматически, а с учетом дорожных условий своей страны. И более того, об этом сегодня особенно говорится, что многосторонняя дипломатия становится инструментом обеспечения в новом мире предсказуемости и доверия. В таком инструменте нуждается не только государство, но и бизнес, и неправительственные организации. Специальные научно-исследовательские центры ООН начинают этим заниматься. Конечно, созданная 63 года тому назад в условиях биполярного мира ООН нуждается в приспособлении к меняющейся архитектуре. О роли ООН идет, как вы знаете, много дискуссий. К сожалению, нередко ситуация драматизируется настолько, что часто раздаются голоса о стагнации Организации Объединенных Наций, ее непригодности для возникающей новой архитектуры мира. Думаю, что все эти выпады против ООН, это мое глубокое убеждение, не отражают требования нашего времени. Главный вопрос сегодня не что делать. Мне довелось участвовать во всех встречах на высших уровнях ООН в прошлом веке (было три встречи) - и я помню бесконечные дискуссии по вопросу о том, что делать? какой мир нам нужен, какие права человека, какое развитие, какое разоружение? Сегодня (это наглядно показала юбилейная сессия

ООН) вопрос о том, что делать, больше не стоит. Все государства согласны с задачами на будущее. Сформулированы цели тысячелетия развития. Но главный вопрос, который сегодня разделяет государства и других участников международного общения, — это вопрос не что делать, а как делать. Как делать? - вот здесь главный вопрос на будущее. Конечно, говоря о роли ООН, нужно понимать, что реформирование Организации Объединенных Наций, включая реформу ее устава, необходимы в нынешних условиях. И здесь хотелось бы мне отметить, что процесс реформирования, в том числе и Устава ООН, пошел. Созданы новые органы: Комиссия по мироустройству и Совет по правам человека, Форум ЭКОСОС по сотрудничеству в целях развития (ФСР). Началась очень крупная реорганизация Секретариата ООН, в частности, создана специальная комиссия по этике, и большое внимание уделяется поведению во всех отношениях сотрудников Организации Объединенных Наций. Но, разумеется, этот процесс - особенно процесс реформы Устава ООН - займет много времени ввиду существующих процедурных правил. Для изменения Устава требуется и согласие всех постоянных членов Совета Безопасности и двух третей государств-членов ООН. Кроме того, в процессе реформы возникает вопрос о финансовых затратах за административную деятельность ООН, и большинство государств, в том числе и Россия, выступают за минимальное их увеличение. Я глубоко убежден и постоянно подчеркиваю, что нельзя сводить реформирование Организации Объединенных Наций только к реформе ее Устава. У меня такое впечатление, что мы иногда забываем о том, о чем говорит Устав ООН. А если посмотреть на него открытыми глазами, то мы увидим, что многое можно сделать уже сейчас, без реформы Устава ООН. Вот об экологии. Действительно, охрана окружающей среды, предотвращение изменения климата, борьба с опустыниванием, сохранение биологического разнообразия на нашей планете - все это вполне возможно без изменения Устава ООН. Проходившая некоторое время тому назад конференция в Бали показала это. Сегодня необходимо всеобъемлющее соглашение по всем аспектам сохранения климата с тем, чтобы иметь согласованную глобальную политику к 2012 году, поскольку в 2012 году истекает первый период выполнения обязательств по Киотскому протоколу. И весьма обнадеживает то, что Соединенные Штаты сделали заявление, что они готовы к замене Киотского протокола. Конечно, возникает вопрос, какая замена будет. Но процесс пошел - и нужно действовать и работать. То есть можно уже многое сделать в этом отношении. Особенно я хотел бы остановиться на проблеме разоружения. Потому что в ООН одна из моих функций была функция генерального секретаря Конференции по разоружению. В 80-е и 90-е годы мы много занимались разоружением. И больше того, я должен сказать, достигли определенных результатов: сделали, во всяком случае, в Женеве и конвенцию по запрещению химического оружия, и по запрещению ядерного оружия. Другими словами, дипломатический механизм работал нормально. Но проблема сегодня состоит вот в чем. Я всегда сравниваю дипломатов с водителями автомобиля. Это хорошие водители и автомобиль (то есть конференция по разоружению) неплохой, но дороги закрыты политическими руководителями, из-за чего движения на этом направлении нет. Но действовать можно. Здесь мне хотелось бы напомнить, что мы, например, очень много говорим о контроле над вооружением, над разоружением. Но в уставе Организации Объединенных Наций о контроле над вооружениями совсем ничего не говорится - этот термин пришел из «плана Баруха». Разоружение упоминается только мельком. А когда лидеры согласовывали Устав ООН, они говорили о регулировании вооружений, что больше, чем контроль над воору- жением - американское предложение и меньше, чем всеобщее и полное разоружение - предложение Советского Союза, выдвинутое в 40-е годы. И ныне существуют эффективные режимы регулирования вооружений: три режима связаны с нераспространением ядерного оружия, запрещением ядерных испытаний и химического и биологического оружия; и три режима связаны с экспортным контролем. Поэтому нужно сейчас переключить внимание и говорить о регулировании вооружений и активизации усилий, ориентированных на конкретные дела в этих шести режимах. Больше того, я вполне считаю возможным и проведение интенсивной работы в отношении ратификации договора о запрещении ядерных испытаний. Пока ведутся разговоры о расширении договора о нераспространении, но вполне возможно достичь соглашения о запрещении ядерных испытаний в том виде, как это было решено в 1996 г. Так получилось, что мне пришлось участвовать в 70-е годы во всех переговорах на сессиях Генассамблеи ООН по разоружению. Надо прямо сказать, мы тогда создавали механизм по разоружению в ООН, прежде всего с пропагандистской целью. Потому что когда возникла необходимость ведения переговоров по разоружению в условиях разрядки, мы имели в виду, что реальные переговоры будут вестись на двустороннем уровне, между Москвой и Вашингтоном, а ООН должна быть пропагандистской машиной. Поэтому с помощью делегаций неприсоединившихся стран мы создали и Комиссию по разоружению, и другие органы ООН. Сейчас, я думаю, вполне можно провести реорганизацию

системы управления разоружением. Требуется создать международное агентство по регулированию вооружений, куда следовало бы ввести и конференцию по разоружению в Женеве, и комиссию ООН в Нью-Йорке, и действующие механизмы регулирования вооружений в Вене. И второе - настало время на основе существующего механизма в Вене создать международное агентство по контролю над движением в космосе. Это вполне достижимые дела - и никаких изменений Устава ООН здесь не нужно. Нужна только политическая воля. Еще одно, что можно сделать уже сегодня, — это создание эффективных механизмов по взаимодействию с региональными организациями. Я помню: в свое время в Женеве мы создали механизм взаимодействия ООН с европейскими региональными структурами. Правда, тогда велись бесконечные дипломатические дискуссии, как назвать этот механизм: никто не хотел называть его «организацией» или «консультациями». Мы назвали его Three Partite Plus Process (Three Partite - имелось в виду участие ООН, Совета Европы, ОБСЕ и «плюс» Европейское Сообщество). Короче говоря, через слова, ориентированные на дела, находились решения для того, чтобы механизм действовал и существовал. Сегодня это очень важно. Вот поднимался вопрос о переводе ООН из Нью-Йорка в другое место. Сегодня такой перенос - дело нереальное, хотя в Нью-Йорке существует много проблем: здание реконструируется, стоит вопрос, куда переселять на это время сотрудников. Другое дело, что проводить заседания главных органов ООН (для этого изменения Устава ООН не требуется) можно в разных местах, не только в Женеве и Вене, но и, скажем, в Москве. А почему в Москве мы не можем провести Генеральную Ассамблею, Совет Безопасности? Никаких ограничений на этот счет нет. Ну, и конечно, особенно хотелось бы подчеркнуть, что для того чтобы реформирование продолжалось, нужно быть реалистами, делать акцент на соблюдение Устава ООН. Для этого требуются политическая воля и второе, конечно, - дипломатические усилия, потому что, дипломатия - это искусство возможного. В нарастающей конфронтации многообразных цивилизационных культур очень важно, чтобы политическая воля содействовала набирающей темпы многовекторной политике объединительного плана. Это предполагает партнерство. Партнерство на всех уровнях. Мы много говорили о партнерстве цивилизаций - это правильно. Но главное - это партнерство и между другими игроками. В частности, новый Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций активно проповедует партнерство между государственными и деловыми структурами, чтобы деловые структуры приняли принципы основного глобального договора, предусматривающего соблюдение бизнесом признанных в ООН универсальных ценностей, и действовали согласно им. Была большая конференция на эту тему летом 2007 г. в Женеве. К сожалению, надо сказать, российский бизнес все еще мало участвует в таких мероприятиях. А сегодня жить по правилам означает, что «сила права должна превалировать над правом силы». Начатое ООН глобальное партнерство является очень важным для всей нашей планеты. И больше того, я бы сказал, время пришло к тому, чтобы выработать новое планетарное мышление, понимая, что мы жители одной планеты, вернее сказать, пассажиры одного космического корабля (об этом еще Вольтер писал в 18 веке). Планетарное мышление предполагает, что национальные интересы, которыми руководствуется государство, должны принимать во внимание глобальный контекст. Такой подход важен потому, что новое мышление облегчает вырабатывать и новые решения. Главное сегодня - это не только диалог: мы уже вовлечены в диалог много лет, мы можем без конца, часами и днями говорить, что такое хорошо и что такое плохо, но самое главное сегодня - это культура диалога, ориентирование диалога на практические дела. А для этого исключительно важно отказаться от двойных стандартов. Вот посмотрите на некоторых наших партнеров: то они принимают позу мессии, то другую позу - мэтров, всё учат других, но никто не занимает самокритичную позицию. А результаты, которые достигнуты в отдельных регионах, - это проявление здравого смысла народов. И не случайно говорят, что сегодня самое главное - это «мягкая сила», то есть привлекательность доброго примера. И на этом нужно сосредотачиваться и проводить такой диалог, чтобы наша молодежь видела, что ни одна из стран, ни одна из цивилизаций не была идеальной - везде были свои плюсы и минусы. В одних меньше, в других - больше. Но всегда шел поиск взаимного обогащения опытом друг друга, а сегодня нам нужно жить в едином мире. И в заключение я хотел бы выразить мое глубокое убеждение в том, что Россия вполне может сыграть свою активную роль в обеспечении с помощью ООН эффективного, (я подчеркиваю) конституционно-демократического управления в быстро глобализирующемся мире с тем, чтобы придать (и это главное) глобальным изменениям ненасильственный эволюционный характер. Интеллектуальный потенциал, который сегодня становится главным источником знаний и богатств (в Европе это уже объявлено как главная политическая цель на будущее), всегда играл в нашей стране важнейшую роль и в военных и политико-дипломатических делах и был нацелен на гуманизацию международных отношений. Гуманизация поведения - это же российская идея, которая

была предложена МИДом России в 1898 году и затем одобрена в 1907 году на Гаагской конференции мира. А сегодня соблюдение гуманистического порога становится главной задачей. Помню из своего опыта по Ливии (я был там спецпредставителем), как именно гуманизация, гуманные аргументы, помогли нам выйти из кризиса и отменить санкции в 1998 году. Так вот, это сегодня - самое главное. И мне представляется, что наш интеллектуальный потенциал должен стать главным инструментом. Для этого, конечно, требуется тесное взаимодействие, которое очень плотно существовало во времена Советского Союза между Министерством иностранных дел и академическими сообществами. Нужны регулярные мозговые атаки. Чтобы найти свое собственное решение, важно иметь мнение оппонента. И когда есть несогласие, лучше вырабатываешь свою точку зрения. И сегодня, как показывает опыт нашего Движения, уже существующего пять лет, есть много интересных идей, которые, будучи переложены на дипломатический язык, могли бы способствовать и инициативности политики и дипломатии не только в ООН, но и на других направлениях. Главное сегодня - дела, дела и снова дела. Для этого нужно преодолеть доминирование риторики. Идеалы, как говорят еще со времен Древнего Рима, действуют только тогда, когда они сопровождаются делами.

М.Л. Вишневский, д.и.н., председатель Совета Движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН»

*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США КАК ЧАСТЬ АРХИТЕКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

— Архитектура современных международных отношений формируется при доминировании США, которые в наши дни являются самым мощным государством в мире. В глобальных средствах массовой информации уже сформировался расхожий термин для определения статуса США на мировой арене как единственной на земном шаре «сверхдержавы» после распада СССР в 1991 г. Она может формировать повестку дня мировой политики по собственному усмотрению, невзирая на мнение других субъектов международного права.

Примеров для обоснования этого утверждения более чем достаточно. Взять хотя бы историю с подготовкой агрессии против Ирака весной 2003г. Несмотря на противодействие большой группы государств (прежде всего ? постоянных членов Совбеза ООН России и Франции при фактической поддержке КНР), США и союзные с ней Великобритания и Испания без санкции ООН и под надуманным предлогом (якобы наличия у иракского правительства готового к применению оружия массового поражения) совершили нападение на эту страну. Затем свергли и способствовали казни ее законного президента С. Хусейна.

На международной арене эти акции не получили достойной оценки подобно тому, как в свое время было сделано в отношении фашистской Германии и Японии на Нюрнбергском и Токийском процессах. США – слишком мощная держава, чтобы кто-либо осмелился привлечь ее к суду за преступления против мира, международной безопасности и человечности. Всем хорошо известны факты глумления американских военнослужащих над военнопленными иракцами в тюрьме Абу-Грейв в Багдаде. Агрессоры и их пособники все же получили достойный отпор со стороны иракского населения в форме народной, партизанской войны. Такие войны, если брать историю международных отношений, так и не сумел подавить ни один агрессор: будь то император Наполеон - в Испании, фюрер Гитлер - в Европе или администрация США - в Индокитае. Полнейшая неспособность агрессоров и их местных сторонников стабилизировать обстановку в Ираке или Афганистане (нападение на эту страну США совершили в ноябре 2001 г.) также свидетельствует об этом.

Нынешняя агрессивность США напоминает нам, казалось бы, ушедшие в историю события середины 70-х годов прошлого века, когда США были вынуждены под натиском освободительных сил в

спешном порядке выводить войска из Индокитая. Тогда (за период от «Тонкинской резолюции» конгресса США 1964 г., санкционировавшей военные действия против ДРВ, до событий апреля 1975 г., когда последние американцы были эвакуированы на вертолетах с крыши американского посольства в Сайгоне, ныне Хошимин, на корабли, стоявшие в Тонкинском заливе) потери США составили около 58 тысяч человек, имена которых упомянуты на мемориальном кладбище в Вашингтоне.

Сегодня американские солдаты и офицеры практически каждый день гибнут в Ираке (за прошедшие пять лет погибло их около 4 тысяч). 500 млрд долларов - огромная сумма - потрачены на эту безрассудную бойню.

События в Ираке подтвердили основной закон асимметричных, партизанских, народных войн - агрессор никогда не сможет одержать в них победу. Возможно только политическое урегулирование, основанное либо на возвращении к довоенному статусу, либо на учете позиций сторон в ходе мирных переговоров.

Вряд ли администрация Буша-младшего согласится на возвращение к довоенному положению в Ираке. Такой возврат означал бы крах стратегических расчетов деловых кругов, которые поддерживают эту администрацию. Речь идет о нефтяных монополиях, заинтересованных в получении иракского энергетического сырья.

Что касается мирных переговоров, то американская администрация отказывается их проводить, сделав ставку на достижение согласия с группировками, которые в свое время выступали против правительства С. Хусейна.

Политика США в Ираке порождает напряженную обстановку на всем Ближнем Востоке. Аналогичные их действия в отношении Югославии лишили мира и процветания Балканы. На Среднем Востоке не спадает напряженность в связи с их присутствием и военными операциями в Афганистане.

Наметился стратегический тупик, который администрация Буша-младшего не способна преодолеть. Своей твердолобостью она создает реальные возможности для победы на президентских выборах 2008 г. оппонентов из Демократической партии.

Нельзя не отметить, что принимаемые в Вашингтоне решения в имперском стиле в целом служат реализации проекта глобализации по американскому сценарию.

Барак Обама и Хиллари Клинтон в ходе предвыборной кампании озвучили стратегические приоритеты внешней политики Демократической партии в случае победы на президентских выборах 2008г. Губернатор же штата Нью-Мексико Билл Ричардсон (также претендовавший на пост президента США) более основательно раскрыл суть внешнеполитических подходов Демократической партии. Это он сделал в своем докладе «Новый реализм и возрождение американского лидерства», подготовленном в 2007 году в Вашингтонском центре стратегических и международных исследований на основе консультаций с бывшими президентами Биллом Клинтонем, Нельсоном Манделой и бывшим генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном.

Губернатор считает, что Америке следует восстановить реалистичный подход к своей внешней политике, отбросить догмы прошлого, которыми страдает нынешняя администрация Республиканской партии. Основная ее ошибка заключается в том, что, стремясь к руководству другими странами, республиканцы предпочитают диктовать другим, что им делать, а не пытаются превратить их в своих партнеров путем убеждения.

Это утверждение представляется весьма шатким, поскольку имеются неопровержимые доказательства иных действий администрации Буша-младшего, чем те, которые приписывает ей Билл Ричардсон в пылу полемики. В частности, Буш-младший был инициатором международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в форме коалиции, в которой участвует и Россия.

«Новый реализм» в интерпретации Ричардсона состоит в способности США руководить миром, право на что дают этой стране: «а) мощные и многочисленные вооруженные силы, б) процветающая экономика, в) крепкие партнерские отношения с союзниками, г) приверженность соблюдению прав человека и д) высокий "моральный авторитет" на международной арене как страны, соблюдающей международное право и Устав ООН».

Вместе с тем, как считает Ричардсон, стремлению США достичь «нового реализма» во внешней политике противостоят: а) «исламские фанатики», которые после падения С. Хусейна активизировали свои действия во всем мире; б) криминальные и террористические структуры, которые способны воздействовать в своих интересах на мировую экономику и получить доступ к оружию массового поражения; в) «азиатские гиганты» Китай и Индия, которые бросают открытый вызов США; г) растущее возрождение России как важного игрока на мировой и региональной аренах, имеющей значительный ядерный потенциал, контроль над богатейшими энергетическими

ресурсами и склонность к «воинствующему национализму». «Россия наряду с Китаем и Индией требует особо пристального внимания со стороны США»; д) усиливающаяся взаимозависимость экономик стран мира, что неизбежно в эпоху глобализации. В результате США зачастую оказываются под воздействием экономических и финансовых спекуляций, инициированных из-за рубежа; е) продолжающееся ухудшение проблем здравоохранения и защиты окружающей среды, глобальное потепление и распространение пандемии СПИД все больше угрожают существованию Америки как нации.

Чтобы справиться с этими явлениями, Ричардсон предлагает будущей американской администрации: США следует восстановить уважение во всех государствах мира к партнерству Америки с союзниками и друзьями, основанное на соблюдении «демократических ценностей»; расширить состав СБ ООН, чтобы он больше отвечал духу времени; реорганизовать Секретариат и специализированные учреждения ООН; обеспечить списание долгов развивающихся стран, а Всемирному банку обратить внимание на снижение темпов нищеты населения; пересмотреть программы помощи наиболее бедным странам в сторону предоставления грантов, а не займов, которые нужно возвращать; способствовать увеличению ресурсов Международного валютного фонда для защиты мировой финансовой системы от спекуляций; присоединиться к Уставу Международного уголовного суда (МУС).

Эта рекомендация требует особого комментария. В 2002 г., когда вступил в действие Устав МУС, США отказались к нему присоединиться под предлогом его политической ангажированности. В результате американские военнослужащие за совершенные преступления за рубежом не подпадают под юрисдикцию этого суда в отличие от военных других стран, что вызвало волну протестов во всем мире. Политики из Демократической партии США не могли не обратить внимания на это обстоятельство - и добиваются пересмотра этого ущемляющего авторитет США в мире решения. Далее. США следует срочно присоединиться к Киотскому протоколу, поскольку последствия глобального потепления касаются и их. Многие в Америке уверены, что тропический ураган Катрина, который в ноябре 2005 г. разрушил Новый Орлеан, был следствием именно такого потепления.

Америке необходимо выбросить на свалку истории концепцию республиканцев относительно «государств-изгоев» и вступить в переговоры со всеми, кто готов договариваться с США, будь то Иран, КНДР, Сирия, Организации ХАМАС или «Хезболла».

Придать прежний вес Договору о нераспространении ядерного оружия и договориться со всеми странами мира о его соблюдении.

США следует начать идеологическую борьбу с последователями исламского фундаментализма. Для этого следует искать себе сторонников в мусульманских странах или в государствах со значительной прослойкой исламского населения. США необходимо закрыть тюрьму на базе Гуантанамо и другие подобные учреждения, где содержатся подозреваемые в терроризме, и договариваться с умеренными кругами в арабских и мусульманских странах о нормализации отношений. Привлечь к этой политике арабо-американскую общину США.

Ричардсон предлагает ряд других рекомендаций для будущей администрации Демократической партии, в основном в сфере развития отношений со странами Латинской Америки. В частности, он предлагает понизить уровень блокады Кубы.

Особый упор губернатор штата Нью-Мексико делает на реализацию программ экономической и технической помощи в целях возрождения проамериканских симпатий в мире. В принципе это традиционная политика демократов, которую они проводят со времен «новых рубежей» президента Джона Кеннеди. Следует признать, что она способствует созданию ориентированных на США правящих элит в развивающихся странах.

Изучение мировоззрения других демократов, претендовавших на пост президента, показывает, что их взгляды на будущую роль и значение своей страны на мировой арене практически ничем не отличаются от мнений губернатора Ричардсона. И этот факт может служить убедительным доказательством того, что внешнеполитическая платформа Демократической партии, по сути дела, уже сформирована. В нее могут (и скорее всего так и произойдет) вноситься изменения тактического характера, которые, однако, не меняют общую стратегическую линию внешней политики США, вытекающую из доктрины «американского мирового лидерства», т.е. установление мировой гегемонии США.

Поэтому можно утверждать, что уже само по себе выдвижение этой доктрины делает внешнюю политику США одной из основ архитектуры современных международных отношений. Отдельные кирпичики ? национальные внешние политики ? выстраиваются один за другим на этом фундаменте

в соответствии с внешнеполитической иерархией, вытекающей из военной силы и экономической мощи каждого участника.

Что касается России, то ее место в этой структуре из кирпичиков, лежащих на фундаменте глобализации современных международных отношений, представляется если не третьестепенным, то, по меньшей мере, незавидным после многолетних усилий ее ведущих политиков по развалу и уничтожению советского наследства.

Исправить такое положение вещей может возвращение к руководящей роли государства в жизни страны, более гибкая политика, стремящаяся к поиску не согласных с американской гегемонией союзников, в том числе в стенах ООН, где исторически роль России весома, где она обладает правом вето постоянного члена в Совете Безопасности.

О.Б. Рахманин, д.и.н.,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
академик РАН, профессор

*

КНР: РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ И БУДУЩЕЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

I

— Знаковая формула Договора о «стратегическом взаимодействии в XXI веке» стала платформой, которая выражает практически общий интерес народов Китая и России, большинства политических сил РФ, кроме фатального прозападного, компрадорского фланга.

Российско-китайский договор, другие документы, принятые на высшем уровне (совместные декларации и т.д.), в истекшие годы законодательно закрепляли совпадающие интересы и резервы в сотрудничестве России и Китая в мире, в АТР, Евразии. Основные подходы Москвы и Пекина к оценке региональной и международной обстановки, в том числе в деятельности Организации Объединенных Наций, близки, а ПОРОЙ идентичны. И Россия, и Китай считают, что военно-политический курс США в восточном, евразийском направлении нацелен на обеспечение американского военного превосходства в АТР и на реализацию концепций Вашингтона, направленных на установление господства США в мире.

Серьезную озабоченность в Пекине и Москве вызывают принятые в последние несколько лет меры, направленные на усиление военной роли Японии. Она содержит на своей территории американские вооруженные силы и ежегодно Япония тратит на это в среднем 5 млрд. долларов ежегодно. Япония расширяет и собственные вооруженные силы, которые не только сравнимы с потенциалом военной группировки РФ на Дальнем Востоке но по ряду показателей уже превосходит их (за минусом ядерной составляющей) и т.п.

Сходными у России и Китая являются и оценки происходящего сейчас расширения НАТО на Восток. По китайским оценкам, разделяемым Москвой, курс на активизацию деятельности Североатлантического блока в ряде стран, входивших ранее в ОВД, и в республиках бывшего СССР, имеет не только антироссийский, но и антикитайский оттенок.

Как известно, единую позицию заняли Москва и Пекин (как постоянные члены Совета Безопасности ООН) в отношении агрессии НАТО, США против Югославии, попыток отрыва от нее Косово. Они осудили проявляющийся здесь и в ряде других районов двойственный подход к правам человека и потребовали прекращения варварских бомбардировок мирных объектов Югославии, одним из которых стало китайское посольство в Белграде. По проблеме Косово (в данный момент) Россия и Китай придерживаются идентичных позиций.

Примерно летом 2005 года начался знаковый процесс в отношениях России и Китая, государств-членов ШОС на евразийском пространстве, что впоследствии стали называть (по-восточному) «дунфэн ядао сифэн», т.е. «ветер с Востока стал преодолевать ветры с Запада».

Началом такого поворота в 2005 году можно считать российско-китайскую встречу на высшем уровне, в ходе которой 1 июля 2005г. в Москве была подписана «Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке».

Атакам противников любого сближения России и Китая подверглись такие положения Декларации

как совпадение основополагающих взглядов Москвы и Пекина на ключевые вопросы современного мироустройства, общее видение перспектив развития человечества. Аналогичной реакции подвергались заявления лидеров наших стран, в которых они единым голосом говорили о «недопустимости претензий на монополию в мировых делах, разделение государств на ведущих и ведомых, навязывания извне моделей общественного развития, применения двойных стандартов». Резким нападкам со стороны Запада подвергался и ряд других принципиальных положений «Совместной декларации РФ и КНР о международном порядке в XXI веке» (01.07.2005), имеющих вполне очевидный адрес. Например, о «разрыве между бедными и богатыми», о необходимости «невмешательства в дела друг друга», призывы к тому, чтобы «полностью избавиться от конфронтационного и блокового мышления, стремления к монополии и доминированию в международных делах», о том, чтобы «отказываться от любых проявлений дискриминации в экономических отношениях». Лидеры России и Китая подчеркнули в документах саммита в Москве от 1 июля 2005 г., что «нельзя игнорировать объективные процессы общественного развития суверенных государств и навязывать им извне модели социального и политического устройства». Указанные выше иллюстрации единых подходов РФ и КНР по принципиальным проблемам международной политики, стоявших также в центре деятельности Организации Объединенных Наций (и являвшихся, следовательно, предметом исследований и выработки предложений в рамках нашего Движения), полностью соответствуют фундаментальным положениям «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между нашими государствами. В преамбуле документа Договаривающиеся Стороны подтвердили «свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций и другим международным договорам, участницами которых они являются», выразили желание «способствовать утверждению нового справедливого и рационального международного порядка, основанного на строгом соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права...».

II

Место КНР в мире. Феноменальные успехи Китая за последние 30 лет (прим. – В 1978 г. начались так называемые «реформы Дэн Сяопина», которые широко отмечаются сейчас в Китае) стали важнейшим фактором мировой политики и международных отношений. Страна совершила мощный экономический рывок. Политика «реформ и открытости» вывела в прошлом крайне отсталую страну на передовые позиции в экономической глобализации.

По совокупному ВВП Китай занимает ныне четвертое место в мире после США, Японии и Германии и третье место в мире по объему внешней торговли (более 1 трлн. 600 млрд. долл.). С 1978 по 2005 г. ВВП КНР увеличился более чем в 12 раз. Уровень доходов населения в этот же период вырос в среднем в 7 раз; внешнеторговый оборот увеличился более чем в 70 раз.

Эксперты ведущих международных организаций от ООН до МВФ и МБР прогнозируют к 2020 году такой рост ВВП Китая (по всем основным показателям), который превысит абсолютные показатели совокупного ВВП Соединенных Штатов Америки. Пекин вышел на 1-е место в мире по золотовалютным резервам, превысившим 1 триллион 300 млрд. долл.

Китайская Народная Республика вышла на передовые позиции в мире по абсолютным показателям производства многих важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, включая сталь, прокат, уголь, вольфрам, текстиль, зерновые, мясо и др. Страна без преувеличения стала «всемирной фабрикой» по выпуску ширпотреба, западных брэндов, мировым «сборочным цехом».

О беспрецедентных успехах Китайской Народной Республики опубликовано немало материалов, в том числе во время «Года России» в Китае (2006 г.) и «Года Китая» в РФ (2007 г.).

Успехи последних 30 лет в развитии КНР поражают воображение.

Вот свидетельство далекого от социализма известного деятеля, бывшего президента Всемирного банка Джеймса Волфенсона. В публичной аудитории он заявлял: «Китайская Народная Республика за последние годы добилась потрясающих, невообразимых успехов; ни одна страна мира не смогла добиться за короткий период таких беспрецедентных итогов в экономическом развитии». Крупнейший банкир из мировой десятки далее сказал: «Это было достигнуто благодаря Коммунистической партии Китая, ее последовательного продуктивного руководства обществом. Обстоятельный курс КПК на осуществление национальных реформ (с учетом специфики) проводился в условиях стабильности и непрерывного подъема экономики, уровня жизни народа».

III

С развалом Советского Союза произошла переориентация Пекина к проблемам взаимоотношений с

Москвой, пограничными республиками бывшего СССР.

После определенной классово-идеологической раскачки, углубленного анализа, «первого испуга» китайское руководство стало корректировать свою линию в отношении РФ и стран СНГ.

Закончился конфронтационный 20-летний период (60–80-е годы). После опасного конфликта в районе о. Даманский китайцы всерьез опасались превентивных действий Москвы; по указаниям Мао Цзэдуна (скончался в сентябре 1976г.) готовились к ним, производили значительные затраты, изымая большие средства из гражданской сферы экономики. «Угроза с севера», разумеется, была и картой для манипуляций среди своего народа, партии, за рубежом.

В играх «треугольника» (США - СССР - КНР) совместная борьба Пекина и Вашингтона против «империи зла» (так называли тогда Москву и Рейган и Мао Цзэдун) отвлекала внимание Китая от решения назревших экономических и других проблем. Надо признать, что острый антисоветский курс США и КНР убыстрил развал СССР.

Дэн Сяопин и его последователи уточняли внешнеполитические и внешнеэкономические позиции Китая, особенно после «Беловежской пуши» (декабрь 1991г.). Они определенно решили, что реальная борьба за «гегемонизм» в мире «обходится дорого», тормозит или срывает планы модернизации КНР, рассчитанные до середины XXI века.

Архитекторы современного курса Пекина поставили во главу угла развитие экономики, наращивание мощи и величия Китая (отложив классовые амбиции). Коротко этот курс можно выразить триадой: 1) развитие производительных сил нации; 2) стабильность и неуклонное повышение благосостояния народа; 3) достойное, державное место КНР в мире. Отсюда и укрепилась формула «социализм с китайской спецификой».

Главное ? после развала Советского Союза ? была уточнена и определена правовая основа взаимоотношений двух соседних государств. Возникшая важная стратегическая формула о равноправном доверительном партнерстве, направленном на «стратегическое взаимодействие в XXI веке», ? это платформа, которая выражает практически общий интерес народов Китая и России, большинства политических сил РФ. Договор 2001 г. законодательно закрепил такой подход.

Практика показывает, что Пекин действует прагматически и стремится выжать максимум из факта распада СССР, ослабления РФ для того, чтобы расчистить «силовое поле» на севере, снять военную угрозу. Любопытно, что в беседах китайцы утверждают, что КНР придерживается курса на сохранение территориальной целостности соседней России, на дальнейшую нормализацию обстановки в ней; заинтересована в возрождении России до уровня великой державы, повышении «национального духа» народа.

В ряде китайских исследований приводятся весомые аргументы в пользу того, что путь российского народа к возрождению имеет прочные основы: богатство страны, ее уникальное евразийское геополитическое место в мире, традиции тысячелетней истории, а главное – «качество населения» (высокая духовность, мужество, стойкость, поголовная грамотность, профессионализм и пр.).

Нынешние лидеры КНР (будет сказано к их чести) не пользуются потрясающей слабостью соседнего государства, переживающего большие трудности.

IV

Дискуссии вокруг курса на сближение Пекина и Москвы, особенно на «стратегическое взаимодействие», продолжают до сих пор как в западных, так и в определенных российских политических кругах. Прозападные компрадорские СМИ в России предпринимают попытки скомпрометировать государственный курс Кремля по этому вопросу. Поднимается шум об «антиамериканской» направленности акций Москвы в отношении Пекина. Набор аргументов достаточно ограничен и практически повторяет западные;

– максимально принижается важность стратегического взаимодействия России и КНР;

– гиперболизируется угроза КНР (военная, демографическая и т.п.) для национальных интересов «демократического развития России»; раздуваются проблемы миграции китайцев в РФ, роста военных продаж российского оружия КНР; преувеличенно преподносится мощь китайской армии;

? российскому читателю и зрителю внушается мысль об угрозе «экспорта из КНР социализма» с целью его реставрации в России.

Ревнителю безбрежных прозападных тенденций, их креатуру в РФ раздражают совместные заявления Москвы и Пекина о необходимости борьбы против гегемонизма и политики силы (т.е. любые антиамериканские положения в текстах или подтекстах). Близорукие политики, политологи не хотят видеть глобальной борьбы за Китай – за его рынок, за сближение с ним как с ведущей азиатской мировой державой в XXI веке ? «веке АТР».

Как отмечалось, отношения между Китаем и Россией имеют определенную договорно-правовую базу, установленную еще в апреле 1996 года (министром иностранных дел РФ был Е. Примаков). Тогда в совместной российско-китайской декларации от 25 апреля 1996 года содержалась формулировка об отношениях Москвы и Пекина: «Равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI веке». (Кстати, китайцы регулярно поминают эту дату, в частности, 10-летие в 2006 г.; по их инициативе примерно эта формулировка внесена в Договор от 16.07.2001 г.).

На рубеже перехода власти в Москве (практически начиная с 1998-1999 гг.) просвечивается тенденция подменить слово «взаимодействие» (по-китайски «се-цзо») словом «партнерство» («хобань»), «подравнивая» формулу под американо-китайский стандарт.

Зримые и незримые «баталии» по поводу того или иного термина, его приоритета продолжаются.

Представляется, что это не просто лингвистический ребус аппарата, а желание внести качественную поправку в содержание взаимоотношений двух великих соседей. Если попытка обойти термин «взаимодействие» состоится без должных консультаций с китайской стороны (по существу дела), то можно предполагать, что это вызовет как минимум серьезную настороженность в Пекине.

Говоря о балансе государственных интересов России и ее взаимоотношений с Западом и Востоком, хотелось бы, чтобы однозначно сохранялся евразийский акцент России, особый характер сотрудничества с КНР, с которой она имеет более 4 тысяч километров сухопутной границы.

Опыт показывает, что бездумные атлантические пристрастия, которые отличали компрадорский режим в Китае (до 1949 г.) и характеризуют взгляды определенных флангов правящих кругов в РФ, бесперспективны.

Об оценках в РФ и КНР истории советско-китайских отношений (1949–1991 гг.). Официальные российские и китайские деятели (Ельцин, Цзян Цзэминь и др.) время от времени делали и делают размашистые утверждения о характере отношений КНР и Советского Союза. Так, Б. Ельцин (в его бытность в Кремле) характеризовал период своего правления как «самый лучший», «начиная с 1917 года». Цзян Цзэминь в 1992 г. на XI съезде КПК говорил так: «Нынешний период стал одним из наилучших периодов дружественных, добрососедских отношений Китая с соседними государствами (имеется в виду и наша страна) с момента образования КНР». Имеются и другие более современные заявления на ту же тему.

Подобные дискуссионные оценки советского периода в истории КНР и СССР могут перейти в серьезные обобщения, в науку, стать предметом спекуляций о роли десятилетних периодов истории советско-китайских отношений (до 1949 года и после).

В исторической науке, пропаганде, да и в политике может возникнуть и укрепляться некий альянс, ставящий целью сделать «объектом совместной атаки» весь советский период отношений с Китаем. Такая тенденция перекликается с грубым антисоветским курсом Запада на современном этапе, может подпитывать дремлющие в китайском обществе националистические великодержавные амбиции, а в российском – голый нигилизм в отношении к прошлому.

В дискуссиях уже возникают справедливые вопросы, а как быть с прежними высокими оценками КПК, КНР, их лидеров?

Как (при отрицании советского периода истории отношений двух стран, в национальном сознании их народов) быть при освещении, например, следующих событий:

-Разгром советскими вооруженными силами самой мощной Квантунской армейской группировки в 1945 году, освобождение Северо-Востока (Маньчжурии) и создание там с помощью СССР (1945-1949 гг.) одной из главных революционных баз Компартии, плацдарма, с которого начался захват крупных городов Китая – Тяньцзиня, Пекина, а затем освобождение всей страны и провозглашение 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики;

-Советско-китайский Договор (подписанный в Москве в феврале 1949 г.), гарантировавший безопасность КНР во время жесткой блокады американцев после 1949 г. и особенно ? в ходе корейской войны 1950-53 гг. Советские летчики «закрыли» тогда Шанхай, ряд городов Маньчжурии от бомбардировок ВВС США;

- «Ядерный зонтик», предложенный Пекину Москвой в период опасного обострения (кризиса) Китайско-американских отношений в Тайваньском проливе в 1958-59 гг., и т.д. и т.п.

Подобный перечень вопросов о заслугах советского народа, нашей армии перед китайским освободительным движением, перед строительством в КНР нового общества можно продолжить.

Советский период истории отношений нашей страны с Китаем в 1917-49 гг. и Китайской Народной Республикой в 1949-91 гг. - это важнейший этап в судьбах двух соседних народов и государств в истории XX столетия.

Требуется большая осмотрительность, точность в оценках. Непростительно «подсыпать горючку» в благоприятное сейчас развитие отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

А.А. Ахтамзян, д.и.н., профессор МГИМО,
член совета Движения «За укрепление демократического
мирового правопорядка и в поддержку ООН»

*

— Многие из проблем, которые обсуждались здесь и в аудиториях других учебных и научных учреждений, оказались весьма близкими к реальной внешней политике. А потому оценки, высказанные нашими авторами - авторитетными послами, учеными, профессорами ? были учтены при решении этих проблем. В МИДе, по крайней мере, наше мнение учитывалось. Об этом нельзя не сказать.

Показательно, что в выступлениях Президента были озвучены многие идеи, которые высказывались нами в течение пяти лет, когда официально политика, может быть, и действовала в этом направлении, но не заявляла об этом открыто. В том числе и по опыту взаимоотношений в ООН.

В порядке дискуссии хочу обратить внимание на то, что происходит на наших глазах: подмена деятельности ООН деятельностью региональной военной организацией НАТО. Происходит, по существу, вытеснение норм, которые определены Уставом ООН. И в разных частях земного шара НАТО, Организация Североатлантического договора, действует цинично, нагло. И мы во весь голос должны предупредить об этом общественность, указать, что начиная с Югославии, а затем в Ираке и других регионах, американские политики, используя НАТО, нарушают нормы международного права. Я думаю, что эту тему надо разрабатывать, особенно молодому поколению. Надо настаивать на том, чтобы Устав ООН соблюдался.

Я хотел бы привлечь ваше внимание и к проблеме энергетической безопасности, которая была не случайно поставлена на саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. Судя по всему, у НАТО есть особая установка в отношении России по данному вопросу. В этой связи показательны выступления и законопроект «Акт об энергетической дипломатии и безопасности» печально известного американского сенатора Лугара, который предложил рассматривать «использование энергетики в качестве оружия» в рамках 5-й статьи Североатлантического договора, которая определяет, что нападение на одного из членов блока считается нападением на весь альянс.

Это недопустимая вещь международного права, когда Россия ставится перед выбором: если вы не будете поставлять регулярно, беспрепятственно и беспрекословно энергетические ресурсы, мы применим в отношении вашей страны 5-ю статью Североатлантического договора, как если бы России напала на европейские страны. Поставки, как вы знаете, осуществляются сейчас в отношении 19 стран Европы. И все страны отмечают, что никаких нарушений не было. Тем не менее, вот такая угроза выдвигается.

Надо прямо сказать, что США обладают не меньшими энергетическими ресурсами, чем Россия. Но Мадлен Олбрайт, а за ней и Тетчер, заявляли, что именно у России слишком много энергетических ресурсов – и их надо взять под контроль. Им вторят и польские деятели. Польский министр экономики, например, заявлял вслед за Луганом, что энергоресурсы Туркмении, Казахстана и России должны быть поставлены под контроль европейских государств, и трубопроводом не может распоряжаться сама Россия.

И еще. Относительно, вроде, надежного нашего партнера Германии, к которой был проложен первый газопровод, а сейчас рассматривается «Северный поток». Когда президент Путин был в Китае, то он публично заявил, что мы будем рассматривать вопросы поставок нефти и газа из наших восточных районов в Китай. В тот же день один из руководителей энергетического концерна в сердцах воскликнул: «Что он заявляет? Это же наш газ!» Немцы уже считают наш сибирский газ своим газом. Так что, есть проблемы, которые нам нужно внимательно изучать. И, может быть, к исследовательской деятельности шире подключать и студенческую массу, которая обладает большим потенциалом, особенно в части касающейся использования ресурсов Интернета. Ну, прямо

скажу, что мы, люди старшего поколения, скептически к этому относимся. А, между тем, возможности этой системы очень большие. Студенты за короткий срок могут представить (по крайней мере, для практики) хорошую справку. Вот как это поднять на научный уровень?

Сейчас в прессе обсуждается вопрос, кто контролирует системы Интернета. И выясняется, что из 13 серверов, имеющих в мире, около десятка находятся в Соединенных Штатах, три, кажется, - в Европе и один - в Японии. Достаточно им нажать на кнопку – и Интернет будет вырублен для России. Эта проблема очень серьезная. И привязанность к Интернету (а многие студенты там черпают свои знания) однажды может привести к большому скандалу или неприятностям, если мы потеряем к нему доступ. Это одна не только наших, но и мировых проблем. Благодарю вас за внимание.

Ткаченко А.А., к.экон.н., заведующий
Центром изучения стран Ближнего Востока
и Северной Африки Института Африки РАН

*

— Процесс полномасштабного урегулирования изрядно затянувшегося Ближневосточного конфликта потребует исторической полосы как минимум в годы.

Есть ли ключ к его решению? Можно утвердительно ответить на этот вопрос, это – мирные политические переговоры. Однако возникает другой вопрос: почему настойчивые усилия переговорщиков так и не дали желаемого результата, хотя мирный переговорный процесс насчитывает уже не первое десятилетие? Ответ на него кроется «в деталях», особенностях ближневосточной ситуации. Они сводятся в основном к следующему:

- разные «весовые категории» у основных противоборствующих сторон (слабые, уязвимые места эксперты усматривают у Палестинской автономии, но они есть и у Израиля). Несбалансированность длительное время питало иллюзию того, что решение может быть достигнуто за счет слабой стороны, используя или военную силу, или экономические рычаги принуждения, или полагаясь на демографический фактор;

- разработка ОМП в некоторых государствах региона также порождала иллюзию того, что с его помощью можно будет достичь своих стратегических целей;

- стремление внешних сил сорвать мирные договоренности, что уже не раз сводило на нет достигнутые с огромным трудом политические договоренности.

Если взглянуть на историю конфликта, то нельзя не заметить несомненное продвижение к мирному решению: нормализация отношений между Египтом и Израилем, между Израилем и Иорданией, договоренности с 1993 года между палестинцами и Израилем и т.д. Правда, позитивная динамика сопровождается негативным трендом: несколько арабо-израильских войн, вакханалия терактов, постоянная угроза рецидива вооруженного противоборства и даже разрастания конфликта.

И все же дело медленно, непоследовательно, но продвигается к некоему позитивному результату – созданию палестинского государства, которое явится переломным моментом во всей ближневосточной драме.

В экспертном сообществе имеется точка зрения, согласно которой все ключевые проблемы ближневосточного конфликта решаемы и окончательные компромиссные договоренности по ним вполне реальны. Это внушает осторожный оптимизм в отношении перспектив ближневосточного урегулирования. Реализация такой перспективы может стать важной частью основания формирующегося нового глобального миропорядка, в котором чаша весов окончательно склонится в сторону эффективной профилактики и ликвидации опаснейших региональных конфликтов.

В этой связи трудно переоценить роль и значение ООН, спонсоров ближневосточного мирного процесса, неправительственных и других организаций и структур на завершающей стадии конфликтов и после них при проведении миротворческих операций. Велика их роль для обеспечения прав человека (палестинских беженцев и пострадавших от терактов израильтян), налаживания международного донорства, ускорения реабилитации пострадавших в ходе конфликта людей. Не менее актуальны усилия мирового сообщества, в том числе «Большой восьмерки», направленные на

сотрудничество со странами РБВСА для реализации экономических и социальных реформ, формирования региональной системы коллективной безопасности, призванной закрепить и сделать необратимыми позитивные результаты ближневосточного урегулирования.

Следует особо отметить роль мирового сообщества, стран региона в ликвидации опаснейших социальных болезней, включая терроризм, который разросся в последние годы и представляет как региональную, так и глобальную опасность.

Отмеченные выше усилия, как нам представляется, адекватны целям и задачам по формированию нового миропорядка, делающего мир и прогресс в РБВСА более устойчивыми и более предсказуемыми.

ВОПРОСЫ – ОТВЕТЫ:

В.П. Касаткин, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член совета Движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН»:

- Скажите, пожалуйста, какова внешняя финансовая помощь в расчете на душу населения Палестине, а если есть данные, то и африканским странам? Насколько я знаю, Израиль перечисляет часть налоговых сборов с палестинцев, работающих на его территории, финансовую помощь оказывают Евросоюз, страны «большой четверки», другие доноры.

Ответ:

- В апреле 2005 года в Норвегии, в Осло, прошла международная конференция доноров Судана, в которой приняли участие представители 60 стран и международных организаций. Участники пообещали выделить Судану на помощь в восстановлении после гражданской войны 145 руб. млрд долларов в период с 2005 по 2007 год. Это один из примеров.

Что касается Палестины, то подобная помощь в расчете на палестинца невелика: она не решает никаких серьезных материальных проблем. Общая помощь исчисляется в несколько сот миллионов долларов в год, которая не доходит до экономики. Значительная ее часть, если не львиная доля, оседает на счетах, а уровень коррупции там (дело известное) весьма высокий.

Ан.А. Громыко:

- Говорят об образовании двух государств ? Израиля и Палестины. Но давайте представим зримо. Ну, Газа - это целый кусок территории. Но как на Западном побережье реки Иордан можно организовать часть палестинского государства при той разбросанности израильских поселений, которые там существуют. Притом что тут вопрос идет не только о территории, но и о том, как поделить воду. А это основной, по-моему, вопрос. Вряд ли Израиль согласится уйти оттуда, освободив всю территорию. И какая там будет архитектура поселения? Что не все израильские поселения будут граничить с Израилем? Что это будут крепости?

Ответ:

- Что касается отдельных территорий. Границы не демаркированы. Вот когда эксперты начнут подступать к этому, одному из самых сложных, вопросов, то, видимо, придет понимание о компромиссе, о минимальном взаимном обмене небольшими территориями, не посягающем на честь и достоинство переговорщиков, на престиж государства. Тогда часть поселений будет перебазирована. Но как я предполагаю, никаких точных договоренностей на этот счет сейчас нет, но они появятся со временем, если будет развиваться переговорный процесс в мирном русле, в правильном направлении. Так можно будет «разрулить» эту ситуацию. Такого, как мне кажется, мнение серьезных экспертов, которые занимаются этой проблемой.

Что касается формулы о единой территории Палестины: чтобы была связь между сектором Газа и Западным берегом, то говорят, что вроде бы Израиль не будет слишком сопротивляться против того, чтобы сделать километровый коридор, чтобы был соблюден принцип единой территории.

Но это всё будут рассматривать «по миллиметру» в экспертных группах. Тут я даже не вторгаюсь в эту область - она совсем не простая. Но проблему можно будет решить, здесь, как мы понимаем, будет немало эмоций. Эмоции были и раньше, неприятных картин было масса, ничего же «ахового», как мы видели, не произошло.

То же самое касается Иерусалима: живут же сегодня палестинцы и граждане Израиля в одном городе. Вроде всё тихо более-менее. Хотя некоторое кипение там время от времени есть. Но не без того. Оно есть и в городах без таких конфликтов.

Август 2008 г.

